

Тимоти Мортон
Гиперобъекты: философия
и экология после конца мира /
Пер. с англ. В. Абраменко.
Hyle Press, 2019, 284 с.
ISBN 9785604104477

Эдвард Сержан, Ирина Михеева

Независимые исследователи,

Москва, Россия

E-mail: edserzhan@gmail.com

E-mail: irinamikheeva49@gmail.com

Экология искусственного
разума

Если вы подумали, что все это кажется слегка религиозным, вы правы.

Тимоти Мортон, «Стать экологичным»

В научно-фантастическом фильме «Искусственный разум» (2001) глобальное потепление в XXII веке приводит к таянию полярных ледников, которое, в свою очередь, вызывает затопление прибрежных городов и массовое переселение — и все это на фоне климатической непредсказуемости. Сотни миллионов людей в беднейших странах голодают, но в развитых сохраняется высокий уровень жизни благодаря правительственным ограничениям на рождаемость. Этот сюжет напоминает «страшный

сон» британского философа Тимоти Мортонa, который в книге «Гиперобъекты» (2013) разрабатывает свою версию объектно-ориентированной онтологии (ООО), предлагая нам помыслить «философию и экологию после конца мира».

По словам Мортонa, если бы его собственный философский подход был фильмом, а он — режиссером, то ООО была бы его продюсером, а исполнительными продюсерами — Кант и Хайдеггер (Мортон 2019в: 11). Мы, в свою очередь, вынуждены занять позицию зрителя этого блокбастера, главную роль в котором исполняют загадочные гиперобъекты. Они тем более загадочны потому, что мы едва ли найдем их развернутое определение в книге с одноименным названием. Несмотря на то, что такой подход, по признанию Мортонa, делает его похожим на постмодерниста (Мортон 2019а: 14), это якобы необходимо в контексте антропоцена, где привычные факты рассыпаются, а на утративших персональный характер впечатлениях лежит печать этих мистических «гиперобъективных» сущностей. При этом Мортон сам характеризует свой подход как «очередную версию (белого, западного, мужского) исторического проекта» (Там же: 15). А мы, оставшись без ответа на вопрос «Что такое гиперобъекты?», довольствуемся их характеристиками: они вязкие и «прилипают» к существам, с ними связанным; они нелокальные, то есть широко распределены во времени и пространстве; обладают темпоральностью — порождают пространственно-временные «воронки»; занимают многомерное фазовое пространство; и, наконец, проявляют свои эффекты интеробъективно (сущности опосредованы в разделяемом ими чувственном пространстве, которое задано взаимодействиями эстетических свойств объектов).

Все это указывает на главного мортоновского «демона» — глобальное потепление, хотя в книге приводится и ряд других примеров: от разбросанных по Земле пластиковых стаканчиков, соединяющихся в гигантский гиперобъект, до нефти. Мортон подчеркивает, что гиперобъекты влияют на социальное и психическое пространство человека. Они же ответственны и за «конец мира», поскольку «в качестве фона событий *мир* представляет собой объективацию гиперобъекта: биосферы, климата, эволюции, капитализма (да, возможно, экономические отношения образуют гиперобъекты)» (Там же: 130). В этом смысле необходимо отбросить эти термины и «принести клятву верности сосуществованию с нелюдьми» (Там же: 130–131).

Гиперобъекты открывают новую веху в истории человечества — «фазу лицемерия, слабости и ущербности», которую Мортон именуется «эпохой Асимметрии», — когда «силы нашего

познания направляются на самоуничтожение» (Там же: 200). Необходимо перенастроить оптику и наконец увидеть невидимое: глобальное потепление — это объект, рассредоточенными частями которого являются капли дождя, цунами, сейсмическая активность и так далее. Какой бы неожиданностью это ни было для читателей Мортон и уж тем более для «светлых» (то есть «домортоновских») экологов, оказывается, что все связано! При этом «угроза глобального потепления — это угроза не только политическая, но и онтологическая» (Там же: 47). Любопытно, что своего главного онтологического оппонента Мортон видит в Марксе. Полемика с марксистским наследием начинается с критики идеологии. Мортон называет главной проблемой левых «циническое дистанцирование»: марксисты якобы предпочитают ничего не предпринимать и ждать грядущей революции, поскольку действие одного человека не способно решить проблему глобального потепления. Именно на эту позицию возлагается ответственность за экологическую угрозу, ведь «“левый цинизм” прекрасно увязывается как с обструкционизмом республиканцев, так и с пораженчеством сторонников Геи» (Там же: 196).¹ Такой подход оказывается нерелевантным в эпоху гиперобъектов. По Мортону, следует отказаться от марксистского видения будущего в пользу неотменяемой и непредсказуемой *будущности* в духе Деррида (*futurity*), проецируемой на настоящее² и — вполне предсказуемо — исходящей от объектов.

Гиперобъекты достаточно велики, протяженны и интенсивны, чтобы признать их существование, которое к тому же позволит переосмыслить введенный первым «исполнительным продюсером» разрыв между феноменом и ноуменом. Согласно Мортону, к этому уже приблизился «второй исполнительный продюсер», но его «революция» оказалась прерванной: Хайдеггер так и остался внутри корреляционистского круга, выход из которого равнозначен пониманию «подлинной сути» объектов и установлению онтологического равенства между всевозможными сущностями — от осьминога до тостера. «Выходя из круга», Мортон мобилизует разработанный Хайдеггером инструментальный анализ, который подрывает феноменологическое отношение к объектам, наблюдаемым в сознании, и акцентирует внимание на том, что лежит за его — сознания — пределами. Так, по мысли

¹ См.: «Мне надо собрать большую группу людей и прямо сейчас начать революцию, и только тогда я смогу каким-то образом соотноситься с белыми медведями?» (Мортон 2019в: 112).

² Не овеществленное атомарное настоящее, а коллективное «теперешнее» (*nowness*).

Хайдеггера, молоток становится видимым для нас лишь тогда, когда ломается. Это говорит о том, что «мир в себе» наполнен не объективными материальными вещами, которые дополнены психическими проекциями, а «реальностями», изымающими себя из всякой сознательной доступности (Харман 2015: 47). Отталкиваясь от инструмент-анализа, Мортон приходит к пониманию того, что «экологические битвы должны происходить именно на территории онтологии» (Мортон 2019а: 36). Гиперобъекты, пусть и обладая «катастрофическими» коннотациями, становятся концептуальным оружием Мортонна в битвах академических.

Ставкой в таких битвах, как известно, является плоская онтология — горизонтальная, вопреки «доминирующим» иерархическим моделям. В этическом отношении выбор в пользу «уплощения» идет рука об руку с призывом к *солидарности* и *настраиванию* на более сознательное отношение с нелюдьми. Вслед за Грегори Бейтсоном Мортон говорит об «экологии разума», где психические проблемы соотносятся с экологическими (Мортон 2019б: 83). Плоская онтология, нечеловеческая солидарность и экология разума должны быть дополнены отказом от романтического представления о Природе, которая является всего лишь историческим конструктом.

Мортон пишет, что Природа *не* предшествует возникновению капиталистического производства. Именно капитализм создал миф под названием «Природа» — та, что пригодна для эксплуатации и обеспечивает извлечение прибавочной стоимости: «это бескачественный остаток, обнаруживаемый на каждом из концов процесса производства» (Мортон 2019а: 145). Таким производством предполагается материалистическая онтология, но, по Мортону, материализм как раз таки не заинтересован в объектах. Поэтому когда исчезает Природа, на покой пора и материи, а затем, как по волшебству, и капитализму. Итак, экология без Природы — это экология без материи. Экология и квантовая физика, «две наиболее прогрессивные теории нашего времени», не должны иметь к материализму никакого отношения: «если первым этапом моей работы по экологии была экология без Природы, то настоящим этапом является экология без материи» (Там же: 188).³ В этом свете ничуть не удивительно, что подход Мортонна не в ладах с марксизмом. Дело в том, что «объектно-ориентированный» инструментарий, как считает Мортон, несравненно богаче «марксистской идеологии». Марксизм про-

³ В этом Мортон всего лишь продолжает проводить линию объектно-ориентированной философии, чьим исконным врагом является материализм (см.: Харман 2015: 24).

сто обречен быть «тупым инструментом, сводящим все к пыли невыразимости», тогда как ООО схватывает «метафизическое измерение капитала»! И помогают ей в этом гиперобъекты как чувственно различимые автономные зоны — физическая причина (кантианского) прекрасного.

Предположим, что в основе политики действительно лежит некая эстетика, которая, если верить Рансьеру, не имеет ничего общего с «эстетизацией политики». Так понятая политика опирается «на то, что видишь и что можно об этом сказать, на того, кто наделен компетенцией видеть и способностью сказать, на свойства пространства и временные возможности» (Рансьер 2007: 15). Мортон обращает пристальное внимание на вопросы эстетики, плотно переплетая их с вопросами политики — см. выше по поводу автономных зон, где Хаким Бей и Кант сливаются в «автономной зоне неразличимости». Мортон, кроме того, полагает, что рождение «свежего» объекта — и есть «политическое вмешательство» и даже революция, изменяющая вовлеченные в этот процесс объекты. Чтобы зона или гиперобъект начали действовать, «не нужно взвешенное решение, принятое неким комитетом» (Мортон 2019а: 179). Все это немного напоминает фильм «Шина» (2010), где резиновое колесо-мессия с помощью телекинеза убивает людей и поднимает восстание. В оптике Мортон мы, впрочем, будем иметь дело уже не с противостоянием объектов и людей, но с войной объектов с другими объектами.⁴ Тем не менее вопрос о политическом действии в отсутствие решения следовало бы оставить открытым: есть ли разница между действием и движением, и если нет, то можно ли, скажем, размышлять о политическом устройстве общества арктических ледников или идеологии амазонских рек?

Мортон говорит, что жизнь вызывает беспокойство и чувство жутки: «все эти энергии, струящиеся вокруг, обмена между внутренней средой организма и внешней, обмена организмов — в любом возможном физическом и метафизическом (а также метафорическом) смысле слова» (Мортон 2019в: 164). В отличие от хрупкой и непостоянной жизни смерть — сильна и убедительна. В качестве примера Мортон приводит раковые клетки, способные воспроизводиться эффективнее, чем обычные, что, однако, потенциально ведет к уничтожению самих раковых клеток. Принимая это во внимание, скажем, что гиперобъекты, подталкивая нас к адаптивным действиям, далеки от того,

⁴ Люди и нелюди в данном контексте одинаково «объективированы»: «Как только я ощущаю запах разлива нефти, я становлюсь совершенно новым объектом во Вселенной» (Мортон 2019а: 189).

чтобы будить мышление и творчество; в этом смысле гиперобъекты напоминают слабый искусственный интеллект, который блокирует саму возможность *события*, погружая нас в заданную систему координат. Алгоритм предлагает математический подсчет для анализа больших массивов информации (*Big Data*), которые позже автоматически используются. Как отмечает Бернар Стиглер, *так вы работаете с онтологиями, усиливающими текущее состояние знания, однако одного знания недостаточно. Более того, если знание применяется «автоматически» — оно оказывается «глупостью»* (см.: Stiegler 2018). Мортон тем не менее говорит как о гиперобъектах, так и об алгоритмах с эмансипированной⁵ беспечностью, ведь на деле, «быть может, андроид Тима Мортон как раз запрограммировали думать, что я изобретаю и действую, а не просто-напросто исполняю алгоритмы» (Мортон 2019б: 61).

Мы полагаем, что Жижек прав, когда указывает на общий «дефект» ОО, состоящий в неинтерактивности объектов, подчеркивая при этом, что здесь мы имеем дело с «противопоставлением делезианского понятия становления и возвращения к стабильным идентичностям, которое сегодня пользуется всеобщим признанием» (Жижек 2019: 32). Остается добавить, что, вопреки адептам всевозможных «парламентов вещей» и «демократий объектов», мы видим в этом «объективном замыкании» импульс к искоренению самой возможности коллективного действия в пользу аполитичности изолированных монад. Жижек полагает, что представление о субстанциальных и замкнутых объектах, которое Харман ретранслирует, обычно рассматривается в качестве основной идеи материализма. Разница лишь в том, что Хармановы объекты существуют независимо от отношений, тогда как в материализме подразумеваются со-отношения, взаимодействия. Но зачем прибрежным городам взаимодействовать с тающими ледниками?

Мортон иронизирует над Марксом: тот, мол, «почти что принимает существование столов, которые сами пускаются в пляс» (Мортон 2019б: 68). По его словам, это необходимо для того, чтобы коммунизм начал работать, а иначе он оказывается лишь разновидностью логистики, приводящей капитализм в движение» (Там же: 69). Однако, анализируя стол как товар, Маркс указывает, что это «вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений», и подчеркивает, что как только стол приобретает потребительскую стоимость, то порожд-

⁵ Что вовсе не означает «эмансипаторной».

дает «причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать» (Марк 1952: 77).⁶ В конечном счете, если содержательно гиперобъекты призваны описать конец мира, то формально они, скорее, репрезентируют поворот этого мира к объектному фетишизму; и *теория как объект* оказывается разменной монетой, циркулирующей по «плоскому» телу капитализма; в этом свете гиперобъект — не более чем торговая марка.

В свое время Феликс Гваттари отметил, что именно «глобальный интегрированный капитализм», провоцируя интенсивные научно-технические промышленные преобразования, является первоисточником экологического дисбаланса. При этом перед нами возникает не просто угроза разрушения окружающей среды, но болезнь, поражающая другие «экологические регистры»: регистр социальных отношений и человеческой субъективности, отталкиваясь от которых Гваттари разворачивает свою «экософию». Он утверждает, что «истинный ответ на экологический кризис можно найти только в масштабе планеты и при условии, что произойдет настоящая политическая, социальная и культурная революция, переориентирующая цели производства материальных и нематериальных ценностей» (Гваттари 2019). Но для того, чтобы преодолеть капитализм и тем самым решить «геосоциальный вопрос» (см.: Латур 2019), необходимо удерживать внимание на точках переплетения механосферы, социальной сферы и субъективности. Таким образом, выход из экологического тупика требует революции как события, «раскалывающего» привычный «объективный» мир. Выход требует мышления и действия, способных порвать со старыми ценностями. Поэтому, подводя черту, скажем: Мортон учит нас тому, как *быть* экологичными (*being ecological*), но дело заключается в том, чтобы таковыми *стать* (*becoming ecological*).⁷ Иначе говоря, необходимо изменить мир, а не просто объяснить его.

Библиография

- Гваттари, Феликс (2019). «Три экологии». *Sigma*. <https://syg.ma/@lesia-prokopenko/fieliks-gvattari-tri-ekologhii-chast-1>
- Жижек, Славой, Франк Руда и Агон Хамза (2020). *Читать Маркса*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

⁶ Марк пишет о времени политической реакции в Европе после поражения революций 1848–1849 годов, когда в аристократических кругах стали заниматься «столоверчением». В этом смысле реплика Мортон оказывается в плену у научного спиритизма в духе Ричарда Докинза.

⁷ Русский перевод устраняет этот семантический зазор.

- Маркс, Карл (1952). *Капитал*. Пер. И. И. Степанова-Скворцова. Государственное издательство политической литературы.
- Латур, Бруно (2019). *Где приземлиться? Опыт политической ориентации*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Мортон, Тимоти (2019а). *Гиперобъекты: философия и экология после конца мира*. Пермь: Hyle Press.
- Мортон, Тимоти (2019б). «Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом». *Логос* 5: 57–69.
- Мортон, Тимоти (2019в). *Стать экологичным*. М.: Ad Marginem.
- Рансьер, Жак (2007). *Разделяя чувственное*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Харман, Грэм (2015). *Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера*. Пермь: Hyle Press, 2015.
- Stiegler, Bernard (2018). «Artificial Stupidity and Artificial Intelligence in the Anthropocene». *Academia.edu*. https://www.academia.edu/37849763/Bernard_Stiegler_Artificial_Stupidity_and_Artificial_Intelligence_in_the_Anthropocene_2018_